

ИСПОДЛОБЬЯ
Глеб Шульпяков

Жизнь в Венеции после смерти Бродского

На прошлой неделе, 24 мая, исполнилось 62 года со дня рождения Иосифа Бродского.

Двумя годами раньше я побывал в Венеции на его посмертном шестидесятилетии – о чем нынче вспомнил и решил рассказать. Торжества в тот год были задуманы нешуточные, но спонсоры один за другим отказывали в деньгах, а потому программа скукожилась до нескольких мероприятий, для которых сегодня в нашем рассказе места, увы, не сыскалось.

И ладно.

Встречались на кладбище. К полудню у могилы поэта собрались: Рейн, Полухина, Уайссборт, Куллэ, Вайль и Толстой с супругами, граф Марчелло, ваш покорный слуга, а также несколько человек, чьи итальянские имен я сейчас уже не упомяну.

Поминали сухим вином.

В качестве поминального стола служила плита сэра Артура Кларка, который был похоронен тут же, через проход. Этот Кларк сто лет назад служил послом Великобритании в Венеции. Не знаю, каким он был послом, но только плита ему на могилу досталась необыкновенная. Это был самый настоящий мраморный стол на четырех разлапистых тумбах – то есть погребальный пафос сочетался тут с чисто английской практичностью.

Что касается кладбища, то более тихого, чем Сан-Микеле, места вам не сыскать во всей Венеции. Остров мертвых обнесен стеной и засажен по периметру кипарисами. Тут всегда прохладно и безлюдно – что особенно важно в летний период, когда туристов пруд пруди. Садись на кораблик у Fondamente Nuove, переплываешь Стикс – и здравствуйте-пожалуйста: вы на том свете.

Вход на тот свет, само собой, свободный, но кладбище напоминает скорее райский сад, чем преисподнюю. Схему участков захоронения вам выдадут на входе, на ней будут указаны могилы Эзры Паунда, Игоря Стравинского, Сергея Дягилева и Иосифа Бродского.

Три один в нашу пользу.

В конце девяностых, когда я попал сюда первый раз, на могиле Бродского стоял крестик, сколоченный из двух реек. На крестике тушью от руки было написано имя. Сыскать его среди гранитных развалин старого кладбища было довольно трудно, хотя ориентиром и служил «двухспальный» Эзра Паунд, раскинувшийся неподалеку.

Поэт, как известно, Паунда не жаловал.

Рядом с крестиком в те годы лежали: крымские камушки, пиртерские ракушки, жетоны на метро, несколько израильских монет и американский флажок. Нынешнее оформление могилы тоже не слишком замысловато. Это небольшая мраморная плита цвета охры, которая вертикально стоит на земле, – и маленькая цветочница подде.

В общем, ничего особенного.

Да и сама тема Венеции в русской поэзии – не одно ли общее место? Просматривая стихи от Вяземского до Пастернака, я вижу стандартный набор: «Дворец дождей – Гранде Канале – площадь Сан Марко», как будто поэты сговорились писать об одном и том же. Черт его знает, то ли визиты были слишком кратковременными, то ли культурная избыточность города сбивала с толку, но только русские поэты всегда «брали» Венецию только нахрапом, то есть метафорой, образом или сравнением.

Да, Бродский написал о «метафизике воды», привлекая культурный материал от Вивальди до Всевышнего. Но парадокс в том, что каждый рыбак тут и так знает, что вода олицетворяет время.

Да и нужно ли вообще – писать о Венеции? И если все же да – то о чем именно?

Может быть, все же о людях, которые живут, «под собою не чуя страны»? Или о жизни, которая превратилась в сплошное головокружение? О том, что отражения в воде укачивают с самого утра, так что к вечеру любой трезвенник без вина упивается в этом городе в стельку? Или что захмелеть по-настоящему в Венеции не удастся – по тем же причинам? А знаете ли вы, какими голосами перекликаются по утрам грузчики на рынке? И не отсюда ли вышла вся итальянская опера?

Ну и граппа, которую мы тянем из узких стаканов на набережной Двух Варваров в последний наш вечер в этом городе.

Я не знаю, о чем сейчас думает Виктор Куллэ.

Я думаю о граппе.

О том, что граппа – это удивительный напиток. И знаете почему? Потому что в нем – а все-таки не в стихах о Венеции – сошлись две питейные (а значит, и бытийные) страсти всей русской поэзии. Страсти к солнечным винам (читай, к Европе) – и к водке, без которой ведь тоже у нас никуда.

Нет смысла говорить в этом городе о времени или воде – они и без нас хорошо обойдутся. Вечером в Венеции хорошо на воду смотреть – и маленькими глотками пить граппу, навсегда запоминая ее вкус и запах на фоне грязного канала, где плавают дохлая крыса.

Потому что:

*и если довелось мне говорить
всерьез об эстафете поколений,
то верю только в эту эстафету.
Вернее, в тех, кто ощущает запах.*

Это и есть настоящая жизнь в Венеции. Вода, удочка, девочка.

Ведущий полосы – Глеб Шульпяков